

Демонова Юлия Михайловна

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ ФРАЗ, СОДЕРЖАЩИХ ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

В статье описываются ход и результаты экспериментально-фонетического исследования фраз, содержащих фразеологизмы с соматизмом head. Автор изучает просодические особенности фраз, содержащих идиоматические выражения, в сравнении с фразами с негативно окрашенной неидиоматической лексикой. В работе анализируются высотно-тональные, конфигуративные и темпо-ритмические особенности звучания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ROLE OF STEM-FORMING SUFFIXES IN ATTRIBUTION OF NOUNS DENOTING METEOROLOGICAL EVENTS TO ANIMATE/INANIMATE CLASS

Gupta Anna Ivanovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
ankasai@rambler.ru

The author considers the meteorological vocabulary of the Gothic and Old English languages. Meteorological vocabulary belongs to the most ancient group of vocabulary. It represents the vital realia that were traditionally animated by the ancient Indo-Europeans. The names denoting such meteorological phenomena as *-wind*, *-storm*, *-lightning*, *-thunder* and others were considered as active and animated, which was represented in their morphological structure. The research of this thematic group in view of its remote ages makes it possible to study the residual effects in the morphological system of the noun, which allows reconstructing the ancient Germans' picture of the world.

Key words and phrases: stem-forming formant; animateness/inanimateness; lexical-semantic compatibility; meteorological phenomena; Germanic languages.

УДК 8; 80:801

Филологические науки

В статье описываются ход и результаты экспериментально-фонетического исследования фраз, содержащих фразеологизмы с соматизмом head. Автор изучает просодические особенности фраз, содержащих идиоматические выражения, в сравнении с фразами с негативно окрашенной неидиоматической лексикой. В работе анализируются высотно-тональные, конфигуративные и темпо-ритмические особенности звучания.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм; соматизм head; эмоционально маркированная речь; актуальное членение фразы; конфигуративные и высотно-тональные особенности звучания; темп; паузация.

Демонина Юлия Михайловна, канд. филол. наук

Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова
demonina.yulya@yandex.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ ФРАЗ, СОДЕРЖАЩИХ ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ[©]

Финансирование исследования выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, соглашение 14.В37.21.0528 по теме «Особенности выражения констант духовной сферы человека в идиоматике различных лингвокультурных сообществ».

Эмоциональная экспрессивность речи – это результат слаженной работы всех уровней языковой системы: лексического, синтаксического и просодического. «В свете коммуникативно-ориентированной лингвистики экспрессивный фактор в языке является одним из самых человеческих факторов» [2, с. 137]. Безусловно, каждый из названных уровней языка способен к выражению экспрессии в отдельности, тем не менее, самое естественное выражение эмоционального состояния достигается именно при взаимодействии коннотативного значения лексики с субъективно-модально окрашенной просодией и модально маркированными грамматическими моделями.

Одна из целей нашего исследования – проследить прямую зависимость особенностей просодической реализации заведомо эмоционально окрашенной фразы от выбора лексических средств выражения эмотивности. В фокусе нашего внимания находятся фразеологические единицы с соматизмом «голова» (*-head*), обозначающие ментальное состояние человека. На данном этапе мы отобрали лексемы с негативной коннотацией и соотнесли способы их просодической реализации с более нейтральными, неклишированными вариантами лексического оформления той же идеи. Исследование проводилось на материале английского языка.

При отборе языкового материала мы руководствовались, во-первых, присутствием во фразеологизме основной составляющей *-head*, во-вторых, его явной негативной коннотацией. В итоге были отобраны следующие единицы:

- *banana head;*
- *cabbage head;*
- *cloth head;*
- *dough head;*
- *flat head;*
- *pudding head;*
- *muddle head.*

Все вышеперечисленные выражения имеют семантику «глупец, дурень, бестолочь, болван». Мы не брали во внимание такие соматизмы как *dope head* (наркоман) или *top head* (неряха), *juice head* (алкоголик). Хотя данные коллокации имеют идентичную структуру с вышеуказанными, они не отражают ментальное состояние человека. Выражения типа *(be) not right in the head*, *(be) off one's head*, *(be) weak in the head* не рассматривались, поскольку они имеют различную темпо-ритмическую наполняемость. Так как исследование проводилось на базе английского языка, мы учитывали особенности изохронного темпо-ритмического строя и отобрали коллокации, имеющие одинаковую ударную структуру – два значимых слова, где первое является фразово ударным, а второе – нет.

При исследовании особенностей просодической реализации фраз с фразеологизмами, основанными на фразеолоксе *head*, нас интересовали следующие закономерности:

- отличается ли интонационное оформление фразы, где присутствуют вышеописанные соматизмы, от похожих по смыслу фраз, где фразеологизм заменен на схожее по коннотации слово;
- выделяется ли просодически сам фразеологизм, а именно, несет ли данное выражение дополнительную высотно-тональную, темпо-ритмическую либо паузальную нагрузку;
- какой именно частью интонационной группы чаще всего является фразеологизм.

Мы выдвигаем следующую гипотезу: при похожем синтаксическом воплощении фразы, содержащие фразеологизмы, будут иметь более выраженную просодическую окраску, нежели фразы с похожей коннотацией, но без указанных идиом.

Также фразеологизмы описанной негативной коннотации будут коммуникативным центром интонационной группы либо будут иметь отличные от других лексем высотно-тональные либо темпо-ритмические характеристики.

В качестве дикторов нами были отобраны десять носителей произносительной нормы *RP (Received Pronunciation)* (мужчины и женщины) в возрасте от 25 до 45 лет. Им была предложена смоделированная ситуация: какой-то человек вас сильно раздражает: он/она в очередной раз делает одну и ту же глупость, хотя был предупрежден много раз. Задачей диктора было выразить свою досаду/злость/раздражение а) человеку в лицо; б) в рассказе о его/ее поведении сначала с использованием слов *fool, blockhead, dope, dolt*, а затем с использованием уже указанных нами фразеологизмов. В общей сложности было сделано более ста записей. Электроакустический анализ звучащей речи производился при помощи программы *Praat 4.5.13*.

Структура полученных фраз в предполагаемом диалоге-обращении к собеседнику в основном представляла собой обращение с непосредственным использованием негативно окрашенной лексики, затем восклицательное предложение типа *You fool, you did that again! /Dope, you did it again!* Реже слова с негативной коннотацией употреблялись с интенсификаторами в качестве дополнения: *You're an absolute/complete fool...* Вторая часть высказывания могла формулироваться как риторический вопрос: *You fool, you did that again, didn't you!* В предполагаемом монологе негативно окрашенная лексика чаще всего использовалась в качестве подлежащего, например, во фразах типа: *That fool did it again!*

Актуальное членение фразы. Коннотативно негативно окрашенная лексика в воображаемом диалоге неизменно входила в состав отдельной интонационной группы. Такое смысловое деление фразы не идет вразрез с правилами актуального членения эмоционально немаркированной речи, где обращение в начале фразы имеет тенденцию формировать отдельную интонационную группу. В случае использования слов типа *fool/dope* в качестве дополнения, они входили в состав первой интонационной группы, далее членение речевого потока происходило по существующим законам интонационного деления неэмоциональной речи.

Схожие процессы наблюдались при имитации монолога, где номинативное предложение, содержащее негативно окрашенную лексику, формировало отдельную интонационную группу. Интересно отметить, что в случаях, когда эмотивы выступали в качестве подлежащего (*That fool did it again!*), они также имели тенденцию к произнесению отдельно, что уже идет несколько вразрез с привычными законами актуального членения неэмоционального речевого потока, но не является абсолютным исключением.

Конфигуративные и высотно-тональные особенности звучания. Фразы предполагаемого диалога и монолога конфигуративно схожи друг с другом. В основном дикторы для оформления первой интонационной группы, содержащей собственно эмотивы, использовали нисходящий контур: высокий узкий нисходящий для диалогической речи с началом падения на экстравысоком/высоком тональных уровнях и окончанием падения на среднем повышенном уровне; средний широкий для монологической речи с началом падения на среднем повышенном и окончанием на низком тональных уровнях. Негативно окрашенная лексика неизменно становилась ядром интонационной группы, исключение составляли фразы с интенсификаторами. В этом случае эмотивы входили в состав сложных тонов: высокий узкий нисходящий в сочетании с низким восходящим либо несколько нисходящих тонов в одной интонационной группе (в терминах О'Коннора) [3]. Такого рода фразы звучали неизменно в верхних регистрах диапазона с использованием экстравысокого тонального уровня и с суженым/средним диапазоном кинетических тонов. Последующие интонационные группы конфигуративно напоминали первую по закону аналогии, причем в предполагаемом диалоге начала падения ядер в первой и второй интонационных группах совпадали; в монологе начало падения ядра звучало на тональный уровень ниже, чем в первой. Во фразах с интенсификаторами вторая интонационная группа неизменно произносилась с более низкой тональной нагрузкой и только с простым ядерным завершением.

Темп и паузация. Темп произнесения смоделированных фраз как в диалоге, так и в монологе можно описать простым контрастом «повышенный», что естественным образом вписывается в общий просодический портрет негативно маркированной речи. Мы не заметили различий в длительности звучания ядерных слогоносителей негативных эмотивов по сравнению с ядрами второй интонационной группы: в обоих случаях

они звучали дольше аналогичных слогоносителей в неэмоциональной речи. Это и понятно: в маркированных фразах, как уже было отмечено, кинетические тоны имели достаточный диапазон звучания для того, чтобы длительность ядерных слогоносителей была средней или увеличенной. Интересная закономерность просматривалась в отношении способа стыковки интонационных групп – в случае диалога – беспузальный (диэремный), в случае монолога – паузальный с минимальной длительностью паузы.

Предполагаемый диалог с фразеологизмами, содержащими соматизм *head*, в подавляющем большинстве случаев состоял из трех, реже двух интонационных групп. В восьмидесяти процентах случаев идиома, содержащая соматизм, реализовывалась как отдельная интонационная группа: *You,| cabbage head,| you did that again!* ||. Употребление интенсификаторов при использовании фразеологизмов замечено не было. В предполагаемом монологе идиоматическое выражение являлось частью первой интонационной группы: *That cabbage head | did it again!*||. Интересно отметить тот факт, что при использовании фразеологизма в диалоге зачастую обе части, его составляющие, становились ударными, точнее, слово *head*, не ударное в неэмоциональной речи, несло ядерное завершение интонационной группы. В монологе такого явления не наблюдалось.

Конфигуративные и высотно-тональные особенности звучания. Как уже было сказано, в предполагаемом диалоге идиома с соматизмом *head* часто реализовывалась как отдельная интонационная группа, причем ядерным могло быть как первое, так и второе слово. Обычно первая синтагма *you* и вторая, содержащая непосредственно фразеологизм, имели аналогичные по конфигурации ядерные завершения при неизменной паузальной стыковке. Дикторами чаще всего использовался высокий широкий (реже – средний) нисходящий с началом падения на экстравысоком тональном уровне и окончанием падения на среднем пониженном/низком уровнях, что составляет средний/расширенный диапазон звучания. В случае произнесения ядра на слове *head* первое слово идиомы произносилось на экстравысоком тональном уровне либо отвечало качеству скользящей шкалы, повторяя высотно-тональные свойства как предыдущего, так и последующего ядер. Дальнейшая интонационная произносилась на более низком тональном уровне по сравнению с предыдущей и строилась либо при помощи высокой нисходящей, либо высокой ровной шкалы. Такой способ просодического оформления вписывается в классическое представление о выражении негатива вообще. В предполагаемом монологе идиома неизменно становилась коммуникативным центром интонационной группы и произносилась с высоким узким либо широким нисходящим, диапазон которого варьировался от суженного (с высокого до среднего повышенного тональных уровней) до расширенного (с высокого до низкого уровней). Последняя интонационная группа произносилась конфигуративно схоже с диалогом, но в более низком тональном воплощении.

Темп и паузация. В предполагаемом диалоге ядерные слогоносители первой и второй интонационных групп принимали максимально долгие значения, тогда как в последней интонационной группе ядро произносилось быстрее (замедленное или среднее значение). Такое явление абсолютно логично объясняется самым широким диапазоном звучания ядра по сравнению с другими моделированными фразами. Однако для поддержания общего ускоренного темпа речи дикторы нередко произносили ударные и безударные слогоносители практически одинаково кратко. Данный способ темпо-ритмического оформления речи не идет вразрез с общим принципом изохронии, но является эмоционально маркированным. В моделированном монологе длительность ядерного слогоносителя принимала значение «замедленная» при осязательной разнице в длительности звучания ударных и безударных слогоносителей. Для диалога наиболее характерной была паузальная стыковка интонационных групп, тогда как для монолога – диэремная.

Итак, в итоге мы можем проследить следующие закономерности.

1. Все смоделированные фразы с точки зрения просодического оформления являются эмоционально маркированными и не выбиваются из представления об интонационном выражении высокой степени негатива в целом [1].

2. Все представленные фразы могут рассматриваться в рамках понятия «фонотекст», так как при их просодическом оформлении наблюдался параллелизм, а именно, аналогичность конфигуративного и тонового воплощения.

3. Более эмоционально нагруженными были фразы воображаемого диалога, особенно те, которые содержали идиоматические выражения, о чем свидетельствует использование дикторами экстравысокого тонального уровня и широкого диапазона ядерных завершений.

4. Негативно окрашенная лексика, так же как и идиомы с отрицательной коннотацией чаще всего становятся коммуникативным центром интонационной группы. Различие состоит в том, что негативно окрашенные фразеологизмы часто оформляются в отдельную интонационную группу, что служит дополнительным средством интонационной выразительности, как и то, что обычно неударные элементы могут становиться ударными и ядерными. Идиомы не требуют присутствия интенсификаторов, при произнесении имеют более широкий диапазон звучания слогоносителей. Фразы с идиоматикой имеют паузальную стыковку, что также служит средством эмоциональной окраски речи. То есть, при общей негативной окраске просодии во фразах с соматизмами дикторы используют дополнительные средства интонационной экспрессии, что делает данные фразы более выразительными не только в лексическом, но и в просодическом плане.

Список литературы

1. Демонина Ю. М. Этнокультурная обусловленность просодической экспликации раздражения (экспериментально-фонетическое исследование на материале английской (американской) и русской диалогической речи): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пенза, 2008. 25 с.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
3. O'Connor J. D. Intonation of Colloquial English. London: Longman, 1973. 290 p.

PROSODIC SOUND CHARACTERISTICS OF PHRASES CONTAINING IDIOMATIC EXPRESSIONS

Demonova Yuliya Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
demonowa.yulya@yandex.ru

The author describes the process and results of experimental-phonetic research of phrases containing phraseological units with somatism head, studies the prosodic characteristics of sentences containing idiomatic expressions in comparison with the phrases with negative non-idiomatic vocabulary, and analyzes the high-rise, tonal, configurational and tempo-rhythmic sound characteristics.

Key words and phrases: phraseological unit; somatism head; emotionally marked speech; actual articulation of phrase; configurational, high-rise and tonal sound characteristics; tempo; pausation.

УДК 820/888.09

Филологические науки

В статье рассматривается взаимодействие категорий «личного» и «всеобщего» в романе «Ночной поезд на Лиссабон» Паскаля Мерсье. Эта оппозиция являет себя на разных уровнях произведения и соотносится с другими противопоставляемыми понятиями, такими как «реальность» – «возможность», «личность» – «история», «индивидуальное» – «типичное». Эти оппозиции лежат в основе формирования образов, раскрытия характеров героев и развития сюжета романа.

Ключевые слова и фразы: историческое время; метафизическое время; оппозиция «личное» – «всеобщее»; познание себя через «другого»; эссе; эссеизация.

Дорохова Алена Сергеевна

Волгоградский государственный университет
das-das-87@mail.ru

**ОППОЗИЦИЯ «ЛИЧНОЕ» – «ВСЕОБЩЕЕ»
В РОМАНЕ ПАСКАЛЯ МЕРСЬЕ «НОЧНОЙ ПОЕЗД НА ЛИССАБОН»[©]**

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ. Проект № 13-34-01013.

В философско-интеллектуальном романе швейцарского писателя Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» («*Nachtzug nach Lissabon*», 2004) важную роль в формировании образов героев, в развитии сюжета играют категории «личного» и «всеобщего».

Эта оппозиция многоаспектна. С одной стороны, она выявляется на разных уровнях произведения (в микросюжетах и в сюжете всего романа, в композиции, на тематическом уровне), служит для связи и противопоставления образов и идей, эссеистического и повествовательного пластов текста. С другой стороны, эта оппозиция на различных уровнях приобретает разные смыслы.

Раймунд Грегориус – преподаватель древних языков в гимназии Берна, прозванный Мундусом, – после встречи с незнакомкой из Португалии и чтения книги «Золотых слов мастера» врача Амадеу ди Праду, замороженный красотой чужого языка, отправляется в Лиссабон, где более тридцати лет назад жил Амадеу. Из бесед с людьми, знавшими Праду, из его эссе и сохранившихся писем Мундус реконструирует образ автора «Золотых слов мастера», одновременно погружаясь в собственное прошлое и переосмысливая свою жизнь. Происходит самопознание одного героя через другого – одна из общих черт произведений современной литературы, характерная и для творчества Мерсье («*Lea*», 2007).

Сборник эссе Праду может рассматриваться как «интеллектуальный роман в романе» [5, с. 158]. Паскаль Мерсье сам подчеркнул двуприродность «Ночного поезда на Лиссабон», где повествование от третьего лица совмещается с попыткой показать «горизонты движения сознания» [10] в жанре эссе. Эссеизация – одно из важнейших свойств прозы XX – начала XXI века («Игра в бисер» Г. Гессе, «Дон Жуан» П. Хандке [4, с. 27]). Эссеистические свойства романа Мерсье отражают эту тенденцию современной литературы и одновременно традиции эссе Мишеля де Монтеня.

Мысль эссеиста в «Золотых слов мастера» постоянно переходит от частного к общечеловеческому опыту и наоборот. От рассуждений о возможности или невозможности познать душевную жизнь личности – к собственным сомнениям. Праду спрашивает, отражают ли поступки сущность людей, или наше поведение обманчиво и скрывает не выявленные мотивы. Тут же эссеист обращается к своим ощущениям, которые переменчивы, как свет, льющийся на Тежу, и колеблются от полной уверенности в нелепости мысли «о потаенных человеческих глубинах» до убежденности, что «все человеческие деяния лишь бледное, до смешного беспомощное проявление непознанных глубин сокровенной внутренней жизни» [3, с. 26].